

СОЦИОЛОГИЯ РИСКА И БЕЗОПАСНОСТИ

Т.В. Шипунова

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ТЕМАТИЗАЦИЯ ДИСКУССИОННОГО ПОЛЯ*

*Целью статьи является прежде всего рассмотрение теоретических дискуссий вокруг фундаментальных вопросов, совокупность ответов на которые образует базу для дальнейшего конструирования концептов социальной безопасности. Рассмотрены основные этапы трансформации представлений о социальной безопасности в научном дискурсе и его гуманистическое содержание в современной социологии безопасности. В статье проанализирована проблема относительности понятия «безопасность» и ее последствия для науки и общества. Дискуссия о субъективном и объективном знании о безопасности включает в себя анализ «парадокса безопасности», обсуждение вопроса о делении безопасности / защищенности на субъективную и объективную. Продолжением дискуссии выступает выделение двух видов небезопасности: *insecurity* и *uncertainty*. Эти виды небезопасности в совокупности могут объяснить, почему мероприятия, которые фактически повышают безопасность, одновременно и понижают ее. Кроме того, в статье автор затрагивает дискуссию о степени рациональности мнения экспертов и обывателей о рисках как угрозах безопасности. Проанализирован вопрос о соотношении и социальной адекватности обыденного и научного знания. Рассмотрена проблема социальной адекватности оценки «объективных» рисков, формирующейся в государственном дискурсе. Проанализированы недостатки менеджмента рисков на примере актуарной юстиции и политики экономизации системы наказания. Рассмотрена дискуссия о связи представлений о человеческом достоинстве, правах людей и возможностью государства единолично формировать политику безопасности. Автор приводит понимание человеческого достоинства в концепции «объективной формулы» и «преднамеренно-балансирующей» модели и анализирует недостатки данных точек зрения. В итоге автор формулирует специфический закон самооценочной рефлексии, устанавливающий взаимосвязь*

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-03-00383.

Шипунова Татьяна Владимировна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики социальной работы факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (shtatspb@yandex.ru)

Tatyana Shipunova — Doctor of Sociology, Associate Professor, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University (shtatspb@yandex.ru)

между человеческим достоинством и сопротивлением социально-неадекватным нормам.

Ключевые слова: *безопасность, социальная безопасность, риск, права человека, человеческое достоинство.*

Тема безопасности человека в современном обществе является одной из важнейших тем исследований представителей различных научных специальностей. Она востребована как в плане разработки направлений государственной политики, так и в плане переосмысления важных теоретических проблем, связанных с изменениями современной реальности. К таким изменениям, прежде всего, следует отнести процесс глобализации, появление разнообразных интер- и интракультурных переменных, возникновение новых диспозиций в расстановке сил как в глобальном обществе, так и в отдельном социуме, нарастание все более очевидной дифференциации стран и социальных групп в конкретных обществах и т. д.

Понятие «безопасность» давно перестало быть только политическим и правовым. Оно используется для обоснования и реализации стратегий успешного существования и функционирования людей. Из этого вытекает необходимость конкретизации понятия безопасности, которое получает дополнительные характеристики-уточнения: глобальная, экологическая, социальная, этническая, национальная и т. д. Операционализация понятия осуществляется за счет введения таких концептов, как парадигма безопасности, пространство и границы безопасности, культура безопасности, режим безопасности, управление безопасностью, комплекс безопасности и т. д. (Боровков, Радиков 2013). Происходит также выделение относительно самостоятельных направлений исследований социальной безопасности в различных сферах жизнедеятельности человека, а именно: безопасности в сфере здоровья (см., напр.: Шабунова, Калачикова 2012; Кравченко 2015), рисков взросления и незащищенности детства (см., напр.: Дементьева 2011), проблем бедности и неравенства (Тихонова 2014; Горшков 2014), субъективных оценок социальной защищенности и безопасности (см., напр.: Полюшкевич 2012) и т. п. Несмотря на то, что исследования в области безопасности успешно развиваются, многие вопросы остаются не проясненными. Это касается, прежде всего, определения самого понятия «безопасность».

Одно из первых и наиболее общих определений понятия «безопасность» дал А. Волфес: безопасность — это отсутствие незащищенности (Wolfers 1962). После введения в научный оборот понятие «безопасность» изменялось в четырех измерениях (Daase 2014: 19):

— *реферативное измерение*, которое определяет, *чью защиту* нужно осуществлять. Здесь наблюдается возрастание индивидуализации понятия за счет того, что центральное место в моделях безопасности и защиты начинает занимать отдельный человек.

— *предметное измерение* устанавливает, в какой *проблемной области* могут быть замечены нарушения безопасности. В данном измерении отчетливо выделяется гуманизация понятия безопасности. Проявляется это в том, что центр

внимания смещается с таких абстрактных вещей, как военная или хозяйственная безопасность, на безопасность, и защиту личности как базовую потребность людей.

— *пространственное измерение* описывает *географическую область гарантий* безопасности. Одновременно при рассмотрении понятия проявляется интерес к глобализационным проблемам, поскольку безопасность больше не может существовать в каких-то отдельно взятых национальных границах.

— *измерение опасностей, рисков*, которое устанавливает то, *как будет концептуализирован феномен небезопасности / ненадежности*, определяющий политику безопасности. Здесь наблюдается потенцирование дискурса безопасности, отражающего ту опасность (или опасности), которая пока еще не проявилась, но может проявиться в будущем.

Из сказанного можно выделить ключевые тезисы:

а) человек с его потребностями — конечная цель обеспечения безопасности;

б) гарантии безопасности должны распространяться на различные сферы жизнедеятельности человека;

в) безопасность не может рассматриваться как некое определенное, раз и навсегда заданное положение вещей.

Два первых тезиса не вызывают сомнений, они общепризнаны и образуют некую аксиому, когда речь идет о социальной безопасности. А вот третий тезис порождает дискуссии, во многом обусловленные неопределенностью продукта, производимого всей системой обеспечения безопасности. Рассмотрим некоторые важные, с нашей точки зрения, темы обсуждения (социальной) безопасности, которые являются актуальными для зарубежной и российской практики.

Представления о социальной безопасности и рисках

Развитию представлений о безопасности / защищенности, в том числе социальной, посвящены труды многих зарубежных и отечественных исследователей. Основное концептообразующее значение при этом придается понятию «риск». Существует множество определений риска и подходов, демонстрирующих их место в современном обществе. Так, в трудах У. Бека современное общество развивается в соответствии с «логикой производства рисков» (Бек 2000: 14). Риски — это объективная данность, которая формируется в процессе развития технологических процессов и модернизации общества. Производство рисков происходит во всех сферах жизнедеятельности людей. Поскольку этот процесс нарастает, то современная реальность характеризуется расширенным воспроизводством рисков, определяющим в конечном итоге меру незащищенности / небезопасности граждан (см. также: Луман 2001).

По мнению Н. Лумана, при изучении рисков следовало бы «попытаться реализовать строго социологический подход, состоящий в постижении феномена риска лишь соответственно смыслу коммуникаций...» (Луман 1994: 137). В своих рассуждениях о проблеме различения «того, что наблюдается», Н. Луман приходит к выводу, что «различение “риск / надежность”, как и различение “риск / опасность”, построены асимметрично. В обоих случаях понятие риска

обозначает сложный комплекс обстоятельств, с которыми обычно приходится иметь дело, по меньшей мере — в современном обществе» (Там же: 151). Н. Луман считает, что современное общество риска не есть «всего лишь результат восприятия последствий действия техники. Начало ему положило уже расширение исследовательских возможностей и самого знания» (Там же: 155).

К идеям Н. Лумана примыкают и рассуждения Э. Гидденса (Giddens 1990). Оба автора в своих исследованиях приходят к мысли об утрате современным человеком рациональности, которая поддерживала «онтологическую безопасность», сохраняемую благодаря рутинизации повседневной жизни и адаптационным навыкам, что делало обыденную жизнь управляемой и предсказуемой (Гидденс 2011). Неопределенность современности создает препятствия на пути достижения человеком поставленных им целей и выбора средств целедостижения. Как отмечает З. Бауман, современный человек переходит «...из эры заранее заданных “референтных групп” в эпоху “универсального сравнения”, в которой цель усилий человека по строительству своей жизни безнадежно неопределенна...» (Бауман 2008: 13), и, следовательно, не поддается рациональному прогнозированию. Отсюда возникают страх и ощущение незащищенности перед реальностью, восприятие своего положения как опасного.

Следуя идее Э. Гидденса о том, что внешние риски, связанные с природой или сменой традиций, перестают играть ведущую роль, уступая место рукотворным рискам, П. Штомпка предложил характеристики риска, которые определяют современное глобализирующееся общество: универсализация, глобализация, институционализация и усиление (Штомпка 2005: 598).

М. Дуглас (Douglas 1992) при рассмотрении рисков и их оценке придавал большое значение культурному контексту, который под влиянием ценностей задает определенный ракурс или угол зрения на отбор и значимость тех или иных вещей, процессов, событий. Это культурно обусловленное видение создает варибельность оценки рисков в разных пространственно-временных континуумах и дифференцирует подходы к обеспечению социальной безопасности в отдельно взятых обществах. И хотя М. Дуглас при анализе риска остается на объективистских позициях, его тезис о влиянии культурного контекста на оценку рисков представляет собой новый поворот в теоретическом осмыслении данного понятия.

Российские исследователи также внесли большой вклад в разработку понятий «риск» и «социальная безопасность». Особого внимания заслуживает концепция безопасности и рисков, предложенная О.Н. Яницким. Автор согласен с мнением классиков социологии, что трудность определения рисков связана с опосредованием исчислений риска «личностными предпочтениями, культурой и политическим контекстом» (Яницкий 2003: 15). Риск неустраним из социальной жизни, а границы безопасности устанавливает само общество. «Пределы безопасности заложены в средовом постулате: среда как природная система (биосфера) или как социальная сеть, пронизывающая общество, не застрахована от природных мутаций и социогенных опасностей» (Там же: 19). По мнению автора, в России «производство рисков не только является прибыльным делом, оно стало мотивом, ресурсом и орудием борьбы конкурирующих групп» (Там же: 22). Говоря о безопасности, автор подчеркивает, что «в обще-

стве риска социальный порядок детерминируется его нормативным идеалом: не развитие, а безопасность становится главным ориентиром деятельности его социальных институтов» (Там же: 24), однако социальный порядок не может обеспечить защиту граждан от всех рисков, поскольку сам выступает как неопределенность (См. также: Яницкий 2014).

Говоря об отечественных исследователях, нельзя не сказать также об идеях Р.Г. Яновского и В.Н. Кузнецова, которые одними из первых в России стали отстаивать идею «гуманитаризации безопасности». Рассмотрение социальной безопасности с позиций аксиологии, предложенное Р.Г. Яновским (Яновский 1999), стало важным событием на пути построения теоретических конструктов социального знания о данном феномене.

Опираясь на идею «гуманитаризации безопасности», В.Н. Кузнецов предлагает следующее определение социальной безопасности. Это «совокупность мер по защите целей, идеалов, ценностей и интересов человека, семьи, страны и народа в социальной сфере, развитие социальной структуры и отношений в обществе, системы жизнеобеспечения и социализации людей, образа жизни в соответствии с потребностями прогресса нынешних и будущих поколений...» (Кузнецов 2007: 161).

В противовес пониманию безопасности как достигнутого на данный момент результата, В. Серебрянников и А. Хлопьев развивают деятельностный подход в изучении феномена. Они считают, что отождествление безопасности с результатом неких мероприятий не раскрывает ее динамики. Социальная безопасность — это всегда (и постоянно) деятельность по выявлению, предупреждению, ослаблению и / или устранению опасностей и угроз, способных причинить вред: погубить, «...лишить фундаментальных материальных и духовных ценностей, нанести неприемлемый (недопустимый объективно и субъективно) ущерб, закрыть путь для выживания и развития» (Серебрянников, Хлопьев, 1996: 16).

Некоторые современные авторы придерживаются точки зрения, что безопасность и защищенность — это относительные понятия, которые различаются в интерпретациях не только в разных странах, но и в разных социальных группах (Grosser 2011: 35–40). Например, в современном обществе наблюдается феномен возрастающей самогеттоизации (gated communities) богатых в хорошо контролируемых жилых районах, которая призвана разделить граждан на благополучных и неблагополучных по принципу доходности. З. Бауман по этому поводу пишет: «Сообщество, определенное созданием тщательно охраняемых границ, а не содержанием; “защита сообщества”, истолкованная как наем вооруженных сторожей для охраны входа; преследователи и бродяги, возведенные в ранг антиобщественных элементов номер один; сокращение общественных мест до защищенных анклавов с доступом только для избранных; разделение вместо обсуждения жизни сообщества и криминализация всего остального пространства — вот основные параметры современного развития городской жизни» (Бауман 2008: 103).

Представляется, что при обсуждении вопроса об относительности понятия «социальная безопасность» следовало бы обратить внимание на необходимость разделения представлений о содержании и объеме этого понятия. Поскольку

все люди являются представителями одного вида *homo sapiens*, то им всем свойственны одинаковые (базовые) потребности и примерно одинаковые психоэмоциональные реакции. Эти универсальные для всех людей характеристики дают возможность предполагать, что *содержание* понятия «безопасность» (как минимум, в отношении базовых потребностей) будет аналогичным у всех людей, а *объем* этого понятия будет варьироваться как в пространственно-временном континууме, так и в зависимости от социальных характеристик индивидов (их социального статуса, образования, возраста, доходов и т. д.). Действительно, если общество и его институты функционируют так, что минимизируют риски и их деятельность способствует понижению уровня страхов у людей, то это ведет к возрастанию чувства защищенности / безопасности. Сами же страхи (и, соответственно, ощущение небезопасности) могут быть разными как в различных обществах, так и в отдельных социальных группах и у индивидов.

Субъективное и объективное знание в контексте культуры безопасности

В каждом обществе формируется культура безопасности, которая понимается как результат «непреднамеренной секьюризации», т. е. как нерелексированный или частично рефлексируемый феномен самозащиты от угроз. По мнению некоторых исследователей, развитие культуры безопасности приведет к тому, что в будущем она будет пониматься как «сумма убеждений, ценностей и практик индивидов и организаций, которые принимают решения о том, что именно рассматривается как опасность и какими средствами ей нужно противостоять» (Daase et al. 2014: 10).

Процесс формирования культуры безопасности связан с известным парадоксом: возрастание безопасности влечет за собой возрастание чувства небезопасности. «Этот парадокс можно было бы объяснить в качестве социоструктурного мегатренда: в современных условиях потребность в защищенности и практики политики, общественности, науки, средств медиа в этой области так пересечены и усилены, что существует тренд в виде все возрастающего и одновременно самого себя уменьшающего стремления к безопасности» (Там же). Иначе говоря, люди живут во все большей безопасности, однако чувствуют себя все менее защищенными. Таким образом, можно говорить о двух видах безопасности / защищенности — субъективной и объективной (Там же: 22).

Объективная безопасность / защищенность — это рациональный феномен, отражающий результат калькуляции опасностей, произведенной экспертами. Субъективная безопасность иррациональна и представляет собой искаженное восприятие опасностей, ведущих к их преуменьшению или преувеличению. Основанием этого феномена считаются психологические механизмы, описывающие ошибки восприятия (реальности) (Slovic 1992), или культурные предрасположения, задающие индивиду определенную степень готовности к интерпретации опасностей тем способом, который был сформирован его жизненным опытом и социумом (Douglas, Wildavsky 1982). Носителями субъективной безопасности / защищенности являются рядовые члены общества с их обыденным знанием.

По мнению Ч. Дааса, существуют два вида небезопасности: 1) угроза как опасность (риск) для тела, жизни, благосостояния и свободы (онтологическая

угроза — *insecurity*); 2) небезопасность в восприятии и оценках этих угроз как эпистемологическая неопределенность (*uncertainty*). Это различие может объяснить, почему мероприятия, которые фактически (объективно) повышают безопасность и снижают риски, одновременно и понижают ее, поскольку увеличивают неизвестность. Автор приводит пример из пренатальной медицины: пренатальное сопровождение рожениц повышает безопасность родов, но неизвестность будущих родителей усиливается, т. к. они узнают о многих возможных рисках, связанных с рождением ребенка. «Их хлопоты ни в коем случае не иррациональны, поскольку базируются на знании, которое автоматически включает и незнание и в итоге усиливает чувство ненадежности (небезопасности). Знание всегда продуцирует незнание, и это является причиной, почему общество знания является глубоко небезопасным обществом» (Daase 2014: 22; см. также: Wehling 2006).

В качестве средства и способа борьбы с незнанием рассматривается калькуляция рисков. Проблема состоит в том, что расчет рисков производится, с одной стороны, на «точных научно-математических вычислениях, а с другой — на политических и нормативных предпосылках (допущениях, предположениях), которые не являются абсолютом, но базируются на установках и убеждениях» (Daase 2014: 24) отдельных лиц и / или групп без учета мнения граждан (обыденного знания).

Вопрос о соотношении и социальной адекватности обыденного и научного знания не нов. Еще Аристотель, рассуждая о законах, писал: государство — это как дом, построенный для всех граждан, дом, кирпичиками которого являются законы, а «дом знает не только тот, кто его построил, но о нем еще лучше будет судить тот, кто им пользуется...» (Аристотель 1984: 466).

К аналогичным выводам пришли и постмодернисты. По их мнению, если научное знание (в той или иной мере) выступает базой для законодательной деятельности и является «сверх положенным», то обыденное включает «...представления о самых разных умениях: делать, жить, слушать и т. п.» (Лиотар 1998: 52). Такое знание соединяет в себе множество компетенций и характеризуется «близостью к обычаю», в отличие от научного знания, базирующегося на рациональном поиске истины. Недостатки обыденного сознания нивелируются здравым смыслом: «...здравый смысл и обыденное сознание дополняют друг друга в образе мышления, притом самым необходимым образом: оба они составляют две половины доха» (Делез 1998: 168).

Таким образом, обыденное знание и здравый смысл, отражая представления о «хорошем» и «плохом», определяя возможные результаты, формирует представления о социальных явлениях, исходя из повседневных потребностей людей и их опыта. И граждане будут судить о социальной безопасности в обществе не менее адекватно, чем эксперты и государственные чиновники, вводящие ту или иную концепцию внешней и внутренней безопасности, какими бы рациональными они ни были. Вот откуда в демократических обществах берется необходимость согласования концепций социальной безопасности и мероприятий, осуществляемых в рамках этих концепций, с общественностью. Вместе с тем безопасность, связанная с природными рисками (например, радиоактивность, вредные вещества и др.) и рисками будущего, т. е. со всем

тем, что «обыденное сознание не замечает и не воспринимает», неизбежно будет подвергаться сомнению и спорам (Бек 2000: 90).

Что касается парадокса безопасности, то, видимо, его невозможно избежать, поскольку многие знания порождают не только «многие печали», но и многие опасения в силу того, что опасности создают неопределенность. Однако само восприятие опасностей и реакция на них в виде чувства страха, вызывающего необходимость действий, направленных на избавление от опасностей, существенно разнятся в зависимости от обществ. Эта разница пролегает не только по линии различия социальных норм, традиций и обычаев, образованности и благополучия населения и т. д., но и по линии осей национальных культур, описанных Г. Хофстеде. Так, ось «избегание неопределенности» (Uncertainty avoidance) соотносится с терпимостью общества к неопределенности. Эта ось отражает то, насколько «культура программирует своих членов чувствовать (дис)комфорт в неструктурированных ситуациях», т. е. новых, неожиданных, неизвестных и отличных от обычных. «Культуры, избегающие неопределенности, стремятся минимизировать возможность возникновения таких ситуаций строгими законами и правилами, мерами безопасности и защиты... Люди в таких культурах более эмоциональны и мотивируются внутренней нервной энергией. Причем избегание неопределенности связано с пониженными оценками субъективного благополучия и повышенным уровнем ксенофобии, которые не способствуют доброжелательным установкам» (Хофстеде, МакКрэй 2010: 19). Этим же, вероятно, может обуславливаться алармизм, «драматизация Зла», агрессивные действия в отношении (предполагаемых) источников опасностей — процессов и / или субъектов. В противоположном типе культуры люди более терпимы к мнениям, отличным от тех, к которым они привыкли...» (Там же: 29). Кроме того, в культурах, терпимых к неопределенности, респонденты оценивают себя как более доброжелательных. Следовательно, их реакция на неопределенность, созданную какими-то опасностями, будет более спокойной и адекватной.

Социальная безопасность и человеческое достоинство

Разумеется, социальная безопасность должна быть гарантирована, но «можно ли в стремлении к безопасности нарушать права людей?» Как верно замечает М. Меллерс, «мероприятия, проводимые полицией, часто являются дискуссионными для общественности, потому что они выступают показателем амбивалентности понятий “свобода” и “безопасность”» (Möllers 2013: 43). Иначе говоря, мероприятия полиции вызывают дискуссию по поводу того, *какой ценой* может обеспечиваться социальная безопасность. Как пишет автор, эта дискуссия возникла не сразу. После теракта 11 сентября 2001 г. общественность не только в США, но и во всем мире с оптимизмом отнеслась к мероприятиям по укреплению полиции, расширению полномочий полицейских, созданию базы данных ДНК, введению должности маршала на авиалиниях и т. д. Но через некоторое время пришло осознание, что все эти шаги приближают общество к ограничению свободы граждан и росту системного насилия. Встал вопрос о необходимости выбора между свободой и безопасностью. Кроме того, возникла дискуссия по поводу целесообразности наделяния института государ-

ственной власти правом единоличного принятия решения об ограничении свободы граждан, даже если эти ограничения ведут к росту безопасности. Например, получить сведения о готовящихся терактах — это важно, но можно ли ради этого применять пытки?

В основе данной дискуссии лежит то или иное понимание человеческого достоинства, поскольку именно оно определяет не только права личности, но и формирует определенные требования обеспечения социальной безопасности.

Г. Дюриг в своей «объективной формуле» отмечает, что «достоинство всех людей базируется на их тварности или на их рассудочности как природном свойстве и / или моральной автономии индивидов» (Цит. по: Möllers 2013: 48–49). В соответствии с этой формулой, человеческое достоинство людей нарушается (умалется) тогда, когда конкретный человек будет низведен до объекта, простого средства или просто к замещающей что-либо величине (Там же: 50).

Другая точка зрения представлена у Л. Хедигена. Он предложил «преднамеренно-балансирующую» модель, в которой человеческое достоинство рассматривается в качестве некоторой «объективно-правовой нормы», в которой фиксируется перечень характеристик человеческого достоинства. Эквивалентом характеристик выступают права человека. Вместе с тем автор считает, что выявление действий, сознательно ущемляющих человеческое достоинство, является практически невозможным, поскольку не понятно, что же такое человеческое достоинство.

Правовой подход к пониманию человеческого достоинства привел к его релятивизации. Рассуждения Л. Хедигена поставили человеческое достоинство в зависимость от мнения законодателя, который закрепляет правовые нормы, запрещающие или позволяющие те или иные действия в отношении человека. Данное положение не столь безобидно, как кажется. Например, опираясь на него, государство в борьбе с терроризмом релятивизировало представления о недопустимости применения пыток в отношении террористов, что привело к оправданию использования насилия в отношении лиц, совершивших или намеревавшихся совершить теракт (Цит. по: Möllers 2013: 51–52).

Передача полномочий по определению действий, нарушающих человеческое достоинство, государственному институту права имеет как позитивные, так и негативные следствия. Позитивные следствия в виде защиты человеческого достоинства и роста социальной безопасности возможны только тогда, когда государство в лице законодательных органов действительно (а не декларативно) печется о соблюдении прав граждан, соотнося потребность установления той или иной нормы с интересами всего (в идеале) населения.

Но даже в случае честной работы государственных чиновников на благо общества, нормы, кодифицированные в праве, могут быть социально-неадекватными, т. е. (в данном случае) нарушающими человеческое достоинство граждан. Причиной является расхождение в определении и оценке значимости человеческого достоинства в общественном мнении и в праве. И здесь возможны, как минимум, два варианта:

1) *Совпадение представлений и оценок в общественном мнении и праве.* Правовые нормы, устанавливающие запреты на нарушение тех или иных прав гражд-

дан, соответственно будут социально-адекватными, однако могут возникнуть коллизии в отношении *мер пресечения* нарушений этих норм;

2) *Расхождение представлений и оценок в общественном мнении и праве*, когда в праве закрепляется социально-неадекватная норма в отношении соблюдения права на защиту человеческого достоинства граждан и / или в отношении меры наказания за нарушение норм. При этом официальные инстанции неизбежно сталкиваются с (массовыми) нарушениями установленных предписаний и актами протеста против их установления. Опираясь на «объективную формулу» Г. Дюрига, можно сформулировать своеобразный *закон самооценочной рефлексии*, устанавливающий взаимосвязь между человеческим достоинством и сопротивлением социально-неадекватным нормам: чем выше у человека чувство собственного достоинства, тем *ниже вероятность* его поведения, нарушающего социально-адекватные нормы, и *выше вероятность* его поведения, нарушающего социально-неадекватные нормы. Действие данного закона обусловлено следующим обстоятельством: когда человека принуждают подчиняться социально-неадекватным (т. е. несправедливым, а иногда — преступным) нормам, то это унижает его человеческое достоинство, ввергая в состояние приниженности и оглушенности, поэтому он при любой возможности стремится их разрушить посредством активного или пассивного сопротивления. Благодаря именно таким людям в обществе постоянно идет поиск социально-адекватных норм и, соответственно, способов повышения уровня социальной безопасности. Данный закон может рассматриваться как исследовательская гипотеза, которая требует своей верификации и дальнейших дискуссий по поводу определения понятия «человеческое достоинство».

Разумеется, в реальности процесс конфронтации определения и оценки значимости человеческого достоинства и мер по его защите протекает значительно сложнее. Он связан с политическими и экономическими интересами разных социальных групп, которые предпринимают все возможное, чтобы законодательно закрепить эти интересы в виде правовых предписаний. Так рождаются законы, противоречащие здравому смыслу, приносящие вред социуму, но поддерживаемые правящей элитой. Так одновременно рождаются (создаются) и новые виды «преступлений», расширяется вмешательство права в естественный ход развития общества, формируется неадекватная правовая политика, растет уровень системного насилия и уменьшается социальная безопасность.

Итак, в статье были представлены некоторые темы, формирующие дискуссионное поле современного знания о социальной безопасности. Все они тесно связаны между собой, более того, они вытекают друг из друга и тем самым определяют последующее конструирование концептов социальной безопасности в разных дискурсах. Анализ социальных практик сквозь призму представленных выше дискуссий может продемонстрировать скрытые (и истинные) интенции субъектов социальной безопасности. Представляется, что последнее замечание чрезвычайно актуально для российской действительности, переживающей социально-экономический и политический кризисы, а также нестабильность взаимодействия институтов власти, правящей элиты и гражданского общества.

Литература

- Аристотель. *Политика*. Соч. Т. 4. М.: Издательство Мысль, 1984.
- Бауман З. *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2008.
- Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Боровков М.И., Радиков И.В. Современные представления о безопасности, *Социология безопасности: проблемы, анализ, решения: мат. междуна. науч. конф. — пятые Санкт-Петербургские социологические чтения*. Ч. I. Санкт-Петербург, 19–20 апреля 2013 г. / Балт. гос. техн. ун-т. СПб., 2013: 56–57.
- Гидденс Э. *Последствия современности*. М.: Праксис, 2011.
- Горшков М.К. Общественные неравенства как объект социологического анализа, *Социологические исследования*, 2014, 7: 20–31.
- Делез Ж. *Различие и повторение*. СПб.: Петрополис, 1998.
- Дементьева И.Ф. Факторы риска современного детства, *Социологические исследования*, 2011, 10: 108–114.
- Кравченко С.А. Социальная и культурная динамика еды: приобретения и уязвимости, *Социологические исследования*, 2015, 1: 85–94.
- Кузнецов В.Н. *Социология безопасности: Учебное пособие*. М.: Изд-во МГУ, 2007.
- Лиотар Ж.-Ф. *Состояние постмодерна*. СПб.: Алетейя, 1998.
- Луман Н. *Власть*. М.: Праксис, 2001.
- Луман Н. Понятие риска, *THESIS*, 1994, 5: 135–160.
- Полюшкевич О.А. Представления о социальной защищенности жителей России и Португалии, *Социологические исследования*, 2012, 12: 66–71.
- Серебрянников В., Хлопьев А. *Социальная безопасность России*, под общ. ред. Иванова В.Н., Яновского Р.Г. Ин-т соц.-полит. исслед. Рос. Акад. наук. М.: МНИИПУ, 1996.
- Тихонова Н.Е. Феномен бедности в современной России, *Социологические исследования*, 2014, 1: 6–19.
- Хофстеде Г., МакКрэй Р.Р. Возвращаясь к обсуждению личности и культуры: связь личностных черт и культурных осей, *Социологический журнал*, 2010, 4: 9–41.
- Шабунова А.А., Калачикова О.Н. Особенности репродуктивного поведения населения, *Социологические исследования*, 2012, 8: 78–84.
- Штомпка П. *Социология. Анализ современного общества*. М.: Логос, 2005.
- Яницкий О.Н. Социология риска: ключевые идеи, *Мир России*, 2003, 1: 3–35.
- Яницкий О.Н. Социология критических состояний общества: теоретические и методические проблемы, *Социологическая наука и социальная практика*, 2014, 4(8): 5–24.
- Яновский Р.Г. *Глобальные изменения и социальная безопасность*. М.: Academia, 1999.
- Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity, 1990.
- Daase Ch., Engert S., Kolliarakis G. Einleitung: Politik und Unsicherheit, in: *Politik und Unsicherheit: Strategien in einer sich wandelnden Sicherheitskultur*, Daase Ch., Engert S., Kolliarakis G. (Hg.). Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH, 2014: 9-17.
- Daase Ch. Unsicherheit und Politik: Eine Hinführung, in: *Politik und Unsicherheit: Strategien in einer sich wandelnden Sicherheitskultur*, Daase Ch., Engert S., Kolliarakis G. (Hg.). Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH, 2014: 19-29.
- Douglas M. *Risk and Blame: Essays in Cultural Theory*. L.: Routledge, 1992.

Douglas M., Wildavsky A. *Risk and Culture. An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1982.

Grosser A. Zwischen Sicherheit und Unsicherheit. Zu Notwendigkeiten und Übertreibungen in der Sicherheitsdebatte, in: *Zivile Sicherheit: Gesellschaftliche Dimensionen gegenwärtiger Sicherheitspolitiken*, P. Ziche, S. Kaufmann, R. Haverkamp (Hrg.). Bielefeld: Transcript Verlag, 2011: 35-40.

Möllers M.H.W. *Öffentliche Sicherheit und Gesellschaft: Debatten im Kontext historischer Ereignisse Seit 9/11*. 2., erweiterte Auflage. Frankfurt: Verlag für Polizeiwissenschaft, 2013.

Slovic P. Perception of Risk: Reflections on the Psychometric Paradigm, in: K. Sheldon, D. Golding (eds.) *Social Theories of Risk*, Westport: Praeger, 1992: 83-115.

Wehling P. *Im Schatten des Wissens. Perspektiven der Soziologie des Nichtwissens*. München: Oekom Verlag, 2006.

Wolfers A. National Security as an Ambiguous Symbol, in: *Discord and Collaboration. Essays on International Politics*. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1962: 47-165.